

Ф.Ш. Нуриева

Казань, Казань (Приволжский) Федералды университет

**ТҮРКІ ТІЛДІ ЕСКЕРТКІШТЕРДІҢ ҰҚСАСТЫҒЫ:
ФОНЕТИКАЛЫҚ-ГРАФИКАЛЫҚ СӘЙКЕСТІК**

Аннотация: Дәстүрлі әдеби тілдерде жазылған ортағасырлық түркітілдес жазба ескерткіштері лингвистикалық сипаты бойынша «аралас» тілдерге жатқызылады. «Аралас тіл» термині жеткілікті дәрежеде қалыптаспаған. Қалыптасқан түркологиялық дәстүрде «араластыру» дегеніміз тіл жүйесінің өзгеруін емес, бір ескерткіштің тілінде норма болып табылатын диалектизмдердің басқа ескерткіштің тілінде қолданылуын білдіреді. Жалпы, «аралас» терминін түркологтар ескерткіш мәтініндегі фонетикалық, грамматикалық және лексикалық элементтердің мазмұны деп түсінеді. Олардың ойынша олар басқа жіктеу тобының тіліне жатады: қыпшақ, оғыз, ұйғыр, қарлұқ. Таңдалған фонетикалық-графикалық белгілер мен оларды статистикалық өңдеу мысалындағы біздің зерттеулеріміз әр жазбаша ескерткіш өзі құрылған тілдік жағдайдың нақты және тірі көрінісі екендігін және сонымен бірге оның сипаттамасының қайнар көзі болып табылатындығын көрсетеді.

Тірек сөздер: фонетика, графика, аралас тіл, ескерткіш.

Ф.Ш. Нуриева

Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

**СМЕШАННОСТЬ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ:
ФОНЕТИКО-ГРАФИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ**

Аннотация: Средневековые тюркоязычные письменные памятники, написанные на традиционных литературных языках, по своим лингвистическим характеристикам возводятся к «смешанным» языкам. Сам термин «смешанный язык» остается недостаточным сформулированным. В сложившейся тюркологической традиции под «смешением» имеют в виду не изменение системы языка, а употребление в языке одного памятника диалектизмов, которые в языке иного памятника являются нормой. В целом, под термином «смешанный» тюркологи понимают содержание в тексте памятника фонетических, грамматических, лексических элементов, принадлежащих, с их точки зрения, языку другой классификационной группы: кыпчакской, огузской, уйгурской, карлукской. Наши исследования на примере выделенных фонетико-графических признаков и их статистической обработки показывают, что каждый письменный памятник есть конкретное и живое отражение языковой ситуации, в которой он создавался и в то же время он служит источником для ее характеристики.

Ключевые слова: фонетика, графика, смешанный язык, памятник.

F.S.Nuriyeva

Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University

**INTERMIXTURE OF TURKIC-LANGUAGE MONUMENTS:
PHONETIC-GRAPHIC CORRESPONDENCES**

Abstract: By the example of the marked-out phonetic-graphic signs and their statistical processing, our researches show that each written monument is a concrete and vivid reflection of the language situation in which it was created, and at the same time it is a source for its characteristic. Medieval Turkic-language written monuments written in traditional literary languages, according to their linguistic characteristics, are raised to “mixed” languages. The term «mixed language» itself remains insufficiently formulated. In the current Turkic tradition, “mixing” does not mean a change in the system of the language, but the use of dialectisms in the language of one monument, which are the norm in the language of another monument. In general, the term “mixed” is understood by the Turkologists as the content in the text of the monument of phonetic, grammatical, lexical elements belonging, from their point of view, to the language of another classification group: Kypchak, Oguz, Uyghur, Karluk. Our research on the example of the selected phonetic-graphic features and their statistical processing show that each written monument is a concrete and living reflection of the language situation in which it was created and at the same time it serves as a source for its characteristics.

Keywords: phonetics, graphics, mixed language, monument

Общую линию развития старотатарского языка, начиная со второй половины XIII в. можно представить следующим образом. Письменно-литературная форма начального периода Золотой Орды в своем развитии в ее литературных центрах ориентируется на нормы литературных языков караханидско-уйгурского ареала. Это вполне объяснимо тем, что указанные ареалы в этот исторический период оставались центрами распространения мусульманской образованности, включавшей, помимо религиозных основ, также и соответствующие формы письменно-литературного языка, в которые облекалась прежде всего религиозно-дидактическая литература. Поэтому не удивительно, что в региональных литературных центрах Золотой Орды столь значимые позиции занимал литературно-письменный язык, базирующийся на караханидско-уйгурском варианте тюркского письменного языка, который закрепил свои позиции в литературных центрах Золотой Орды. В то же время, основное население Джучиева Улуса, как оседлое, так и кочевое, что доказано трудами историков, языковедов являлось носителем племенных языков кыпчакского типа, хотя среди жителей Золотой Орды также были и носители языков огузского и карлукского типов. Таким образом, упомянутые носители мусульманской цивилизации в силу этнодемографических условий оказались в преобладающей среде кыпчакоязычного населения. Данная этническая ситуация способствовала сложению в культурных и торговых центрах наддиалектного койне, базирующегося на кыпчакской языковой стихии. И именно этот фактор находит отражение в материале исследования, свидетельствующего о воздействии народно-разговорного койне, сложившегося в указанных условиях на норму письменно-литературного языка в золотоордынский период. Естественно, что это влияние и взаимодействие старой традиции с новыми языковыми процессами находило разное отражение в языке отдельных памятников. Это зависело от ряда факторов: жанровой принадлежности памятника (религиозно-мусульманская литература оставалась более устойчивой, а светская литература быстрее принимала новации), от образованности автора и принадлежности к определенной художественной школе, от заказчика-спонсора, от конкретных условий места создания и, наконец, от переписчика, его племенной принадлежности и владения родным языком и многих других факторов. Средневековые тюркоязычные письменные памятники, написанные на традиционных литературных языках, по своим лингвистическим характеристикам возводятся к «смешанным» языкам. Сам термин «смешанный язык» остается недостаточно сформулированным. В сложившейся тюркологической традиции под «смешением» имеют в виду не изменение системы языка, а употребление в языке одного памятника диалектизмов, которые в языке иного памятника являются нормой. В целом, под

термином «смешанный» тюркологи понимают содержание в тексте памятника фонетических, грамматических, лексических элементов, принадлежащих, с их точки зрения, языку другой классификационной группы: кыпчакской, огузской, уйгурской, карлукской. При этом сюда попадают как синхронные соответствия, так и явления архаичные, свойственные языку иной эпохи. Подобная терминологическая неясность значительно затрудняет сопоставительное изучение языка письменных памятников, поскольку признаки «смешанности» не являются единичными для всех исследователей, что обуславливает потребность в разработке четких и единых критериев для оценки языка памятника. Как видно из историографического обзора, при исследовании литературного языка наблюдается большое разногласие в рассмотрении признаков. Несмотря на наличие большого количества работ на эту тему, в тюркологии не разработана схема квалификации отдельного памятника на основе единых признаков. Такое разнообразие привлеченных признаков не позволяет привести соответствие результаты их исследований и построить единую типологическую картину. В работах Г.Ф.Благовой по анализу тюркского склонения показана продуктивность строгой дифференциации стилистических разновидностей тюркского текста и выделение доминантных признаков у грамматической категории, представленной в письменном памятнике (Благова, 1977; 1982).

Эта методика, продемонстрированная на примере тюркской падежной системы, оказывается весьма перспективной при анализе фонетических признаков и грамматических категорий, поэтому при квалификации языка памятника мы тоже идем на расчленение текста и вычленения в нем базисных и периферийных элементов. Такой подход, как нам представляется, дает возможность выяснить: 1) языковую атрибуцию конкретного памятника, т.е. описать языковую систему каждого отдельного памятника в едином формате; 2) выделить на всем множестве описаний нормированных и ненормированных частей языковой системы, выделить типы нормы, атрибуцию ненормированных частей системы.

В качестве фонетических признаков, классифицирующих языковую принадлежность письменных памятников золотоордынского периода, нами приняты следующие показатели: 1) графическое выделение перебоев 1 (алиф) и 2 (алифйай); 2) действие губной гармонии; 3) соответствие $d \sim \delta \sim j$; 4) сохранение смычного увулярного $-q-$ в интервокальном положении; 5) сохранение традиционных сочетаний $-ayu-$, $-ayu-$, $-iyu-$, $-yuy-$; 6) сохранение ауслатного $-gi$.

Наши исследования на примере выделенных фонетико-графических признаков и их статистической обработки показывают, что каждый письменный памятник есть конкретное и живое отражение языковой ситуации, в которой он создавался и в то же время он служит источником для ее характеристики.

Рассмотрим пример соответствия $d \sim \delta \sim j$. При дифференциации тюркских языков группы соответствие $d \sim \delta \sim j$ является одним из показательных признаков, начиная с первой классификации тюркских языков М.Кашгари и в исследованиях более позднего времени.

Употребление d , δ , j Махмуд Кашгари наблюдал в живом языке в средние века и указывал на фонетическое различие $d \sim \delta$. В языке караханидско-уйгурских памятников δ рассматривается как дань письменной традиции.

По классификации Н.А.Баскакова, еще в древнетюркскую эпоху тюркские языки подразделялись на группы d/m – языков, группу c/z – языков и группу y – языков. В этот период наиболее древние языки, входившие в состав группы p – языков, сосуществовали параллельно с группами d/m – языков и c/z – языков. Что касается группы y – языков, то ее возникновение Н.А.Баскаков относит к X в. (Наджиб, 1979, 94). В своей классификации тюркских языков, отнеся болгарскую, огузскую, кыпчакскую и карлукскую группы к западно-хунской ветви тюркских языков, Н.А.Баскаков считает характерной особенностью их фонетической структуры замещение древнего d звуком j (Баскаков, 1960, 103).

А.М.Щербак считает, что процесс замены $\delta > j$ происходил в связи с изменением фонетической системы всех тюркских языков, по крайней мере, не позднее XII века. Возможно,

что кыпчаки ранее других племен имели *j*. «Наличие **δ** – основ в некоторых памятниках, относящихся к сравнительно позднему времени, например, в «Кысас ал-анбия» и «Хибат ал-хакаиқ», по всей видимости, не отражает норм живого произношения и является данью литературной традиции» (Щербак, 1961, 57).

В языке памятника «Кысас ал-анбия» Рабгузи зафиксированы слова лишь с **δ** – признаком *كاديديز (13-15) kädik* «дежурство, черед», *قوددو (8-1) qoddu* «положил», *عولنوب (6-2) bodlur* «прослый» и др.

В языке памятника «Нахдж ал-Фарadis» Махмуда Булгари наблюдаются следующие особенности соответствия *d-δ-j*:

1) слова, которые сохраняют постоянно традиционный **δ** – признак: *بيلرنا (256-10) adryl-ur* «расставаясь», *قانا (10-11) adaq* «его нога», *قونوق (44-4) qudu* «колодец», *قورنوق (53-3) quduq* «хвост», *قادي (212-6) idi* «хозяин, владелец», *كوانوك (134-6) küdägi* «зять»;

2) группа слов, которые имеют вариативное написание с чередованием **δ** – *j*: *كاديك (338-4) kädik* ~ *كاديك (209-3) kädik* «дикое животное», *قودتي (410-5) qodtu* ~ *قودتي (410-5) qodtu* «поставил» и др.

Надо подчеркнуть, что в языке памятника господствующее место принадлежит словам с **δ** (**d**-признаком);

3) лишь отдельные слова типа *adaq, qadaş, qod* – могут быть отнесены к **d**-признаку: *قانا (adaq* «нога»), *قادات (qadaş* «родственник».

В языке поэмы «Джумджума султан» Кятиба наблюдается в основном вариативное написание слов с **δ** – признаком и **j** – признаком:

δ – признак	Повтор	j – признак	повтор
adaq (A20б-9, 21а-2, 21б-6) «нога»	3 раз	ajaq «нога» (21а-4)	1 раз
(24а-1) idi «бог»			
(22а-11) qaduyugur «горюя»	1 раз	ijä (2а-6) «хозяин»	1 раз
	1 раз	-	-

В языке «Кисекбашкитабы» наблюдается одновариантное употребление слов: а) или только с **δ** – признаком; б) или с **j** – признаком, вариативное написание слов не наблюдается: а) слова с **δ** – признаком: *قانا (27, 120, 123, 139, 258) adaq* «нога», *قادي (5, 260) edgi* «хороший, добрый», *قادي (68, 206, 208) qadu* «горе, горевать»; б) слова с **j**-признаком: *قوي (160, 163, 165, 232) uju* «спать», *قوي (117, 182, 185, 186, 68) quj* «положить», *قوي (101, 102, 106, 230, 244, 115, 67, 232, 235) quju* «колодец».

При исследовании слов с **δ** и **j** признаком в языке «Хосров и Ширин» Кутба можно отметить также две тенденции: сохранение на письме традиционного **δ**; дублетное написание слов **сδ** – **j**.

1) группа		2) группа				
δ – признак	повтор	δ – признак	повтор	j – признак	повтор	
Адуп «иной»	66 раз	адуг	9	ajug	3	отделять,
уд «отправить»	38 раз	adryl	9	ajryl	1	отделяться нога
judu «запах»	23 раз	adaq	77	ajaq	20	горе
edgi «добрый»	80 раз	qadu	165	qaju	6	оставь
ked «одеть»	4 раза	qod	27	qoj	105	колодец
kedik «дичь»	19 раз	quduy	9	quju	1	седло,
kiditi «скрывать»	15 раз	ederle	8	ejer	12	оседлать надевать
			12	iyer-	2	трогать
		kiδ	3	kiy	5	родствен.
		tiδ	2	tiy	4	стан
		qadaş	3	qajaş	2	
		boz		buj	2	
Всего	245		321		161	

С *d* – признаком отмечены 2 слова: *توب bod* «рост, стан»,

شاداق qadaş «родственник». Вариантность на уровне орфографии, абсолютная взаимозаменяемость графем *ḍ* ~ *j* в тексте «Хосров и Ширин» показывает, что увеличивается отклонение от традиционного написания, хотя превалируют слова с традиционным *-ḍ* – признаком.

В языке «Мухаббат-наме» Хорезми, созданной на той же территории и почти в те же годы, когда была написана поэма «Хосров и Ширин» Кутба, не встречается ни одного слова с *ḍ* – признаком. Все слова имеют одновариантное написание с *j* – признаком: *قاي ajaq* «нога», *عوب boj* «стан», *قويموق qojmaq* «положить» и др. Три слова зафиксированы с *d* – признаком: *قانا adaq*, *قونوق quduq* «колодец» *وكداد ädgi*.

Язык «Гулистан бит-тюрки» Сарай относится к группе с *j* – признаком, все слова пишутся одновариантно с *j*: *قاي ajaq* «нога», *ايرملق ajuṭmaq* «отделять, разлучать», *عوب boj* «стан», *ئىزى iṣ* «хозяин, владелец»,

كچىيىك skejik «дичь», *قويۇق qojmaq* «колодец» и др.

Язык «Codex cumanicus» относится к группе с *j* – признаком, все слова пишутся одновариантно с *j*: *ajaq* (96, 18, 163) «нога», *bijik* (130, 25) «высокий», *qajju* (126, 11, 37) «горе», *qajun* (97, 11) «береза», *kij* (12, 25, 151) «одевай», *qoj* (43, 12, 126, 6 и др.) «ставь» и др.

В языке «Иршадел-мулук» нормативным является написание слов с *j* – признаком: *ajaq* (128а-4) «нога», *ajut* (256в-4) «разделить», *bijuk* (89в-2) «высокий», *ijar* (221а-1) «седло», *qujquq* (388а-2) «хвост», *qujuq* (137а-6) «колодец», *buq* (488в-7) «стан», *quj* (147а-2) «поставь», *tuj* (8а-2) «насытиться» и т.д. Зафиксировано вариативное написание *ḍ* – признак ~ *j* – признак, где превалируют варианты с *j* – признаком. Сравни: *kidsä* (346-2) ~ *kiy* (495в-4; 76 словоформах «одеться»), *kedik* (358а-8) ~ *kiyik* (226в-2) «дичь» и др.

Соответствие	Формы	КР	НФ	Кб	Дж	ХШ	МН	Гб	СС	IM
Карах.-уйг.	ḍ	○	○	!	○	○				
Вариатив.	ḍ ~ j		■		■	■				■
Кыпч. Койне	j			○			○	○	○	○

○ – норма

■ – вариативность

Как видно из результатов исследования, которые размещены в таблице, *d*–признак, являвшийся нормой для языка древнетюркских памятников, в исследуемом периоде занимает совсем иное положение, он зарегистрирован сравнительно небольшим числом слов в языке лишь ХШ, НФ, МН. В этот исторический период *d*–признак был оттеснен ставшим почти универсальным *ḍ*–признаком.

Таким образом, *ḍ*, являясь достоянием караханидско-уйгурских языковых памятников, сохраняется как нормативная форма и носит классифицирующий характер для языка КР, ХШ, НФ, Дж.

Включений кыпчакских диалектных *j* форм по сравнению с караханидско-уйгурскими текстами в золотоордынских текстах явно больше, о чем говорит большая вариативность в НФ, Дж, ХШ.

В языке Гб, МН, КБ выделяется другая нормативная *j* форма, и она выступает как классифицирующий признак.

Данные сопоставительного анализа языка памятников золотоордынского периода свидетельствуют о том, что их язык зафиксировал состояние, когда диалектная *j* форма проникла во все парадигмы, однако характер этого проникновения неодинаков. В языке КР, ХШ, НФ, Дж еще довольно заметно преобладает *ḍ* – признак, несущий караханидско-уйгурскую традицию, над *j*–признаком. А в языке Гб, МН, КБ без каких-либо ограничений используется *j*, становясь новой языковой нормой.

- Сокращенные обозначения источников, ссылки на которые имеются в тексте**
Гб – A Fourteenth century turkic translaitjn of Sa' dis Culistan (Sayfi Sarayis Culistan biturki). By A. Bodrogligeti. – Budapest, 1969. – 450 P.
Дж – *Исламова А.И.* Исследование языка тюркско-татарского памятника XIV в. «Дастан -и- Джумджума Султан» Хисама Кятиба: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1998. Текст. С.39-62.
ИМ – *Toparli R.* Irşadul-Mülük Ves-Selatin. Ankara. 1992. 627 s. Faksimile. 1992. 498 s.
Кб – *Ахметгалеева Я.С.* Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы». М.: Наука, 1979. Текст. С.124-143.
Сс – *Radioff W.* Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. StP, 1887. Wörterverzeichnis. S.1-132. Einzelne Sätze. S.1-79. Vorwort. S.80-111.
Кр – *Мешоранский П.М.* Сказание о пророке Салихе // Сб.ст. – СПб., 1897. – 281 с.; *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М., 1951. С.323-341; *Ильминский И.* Казань, 1859. 555 с.
МН – Хорезми. Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н.Наджиба. М.: Изд.восточной лит-ры, 1961. 223 с.
НФ – *Eckmann J.* Nehcü'1 – Feradis. I, Tipki Basim. Ankara, 1956. 444 s.
ХШ – *Zajaczkowski A.* Najatarszawersjaturecka Husräv u Şirin Qutba. – Warszawa, 1958. Tect. 304 s.; Faksimile. 238 s.; Slownik. 207s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- [1] Баскаков Н.А. Тюркские языки / Н.А.Баскаков. – М.: Наука, 1960. – 170 с.
[2] Благова Г.Ф. О методике изучения морфологии средневековых тюркских поэтических текстов / Г.Ф.Благова // Вопросы языкознания. – 1977. № 3. – С. 86-100.
[3] Благова Г.Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении: юго-восточный регион / Г.Ф.Благова. – М.: Наука, 1987. – 304 с.
[4] Зайончковский А.К. Изучению средневековых памятников тюркской письменности (XI – XVI вв.) / А.Зайончковский // Вопросы языкознания. – 1967. – №6. – С. 80-89.
[5] Наджип Э.Н. Кыпчако-огузский литературный язык мамлюкского Египта. XIV века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Э.Н.Наджип. – М., 1965. – 94 с.
[6] Наджип Э.Н. Исследование по истории тюркских языков XI – XIV вв. / Э.Н.Наджип. – М.: Наука, 1989. – 291 с.
[7] Насилов Д.М. О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности / Д.М.Насилов // Тюркологический сборник. – М., 1972. – С. 62-68.
[8] Нуриева Ф.Ш. Норма и вариативность в языке тюркоязычных памятников XIII – XIV века Поволжья / Ф.Ш.Нуриева // Татар теле, әдәбияты, тарихы – үткәне, бүгенгесе. – Казань: Изд-во ТГГИ, 2000. – С. 207-213.
[9] Тенишев Э.Р. Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте / Э.Р.Тенишев // Вопросы языкознания. – 1979. – №2. – С. 85-93.
[10] Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X – XIII веков из восточного Туркестана / А.М.Щербак. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 204 с.